

Владимир Ильич любил и высоко ценил произведения А. П. Чехова.

«...Помню, как он прямо восхищался стилем этого писателя, в котором с такой удивительной гармонией сочетались высокая жизненная правда, простота и точность художественного языка», — писал Г. М. Кржижановский, вспоминая «блестящую оценку, данную Лениным творениям А. П. Чехова».

«...Что это за новая пьеса Чехова «Три сестры»? Видели ли ее и как напали?» — спрашивал Ленин в феврале 1901 года родных в одном из писем из-за границы. Пройдет, однако, восемнадцать лет, пока он получит возможность самолично убедиться в том, как играют «художники» Чехова.

«Ходили мы с ним как-то еще на «Дядю Ваню», ему понравилось», — вспоминала впоследствии Н. К. Крупская. Красноречивым дополнением к этим словам может служить рассказ артиста МХАТ Н. А. Подгорного, которому посчастливилось встретить Владимира Ильича на этом спектакле:

«...Сначала я даже немного сконфузился и растерялся от сознания, что Владимир Ильич пришел к нам в театр на «Дядю Ваню», на спектакль, который многие считали ненужным советскому зрителю. Но Ленин как-то по особенному взглянул на меня, и напряженность сразу исчезла. Я подошел, поздоровался, назвал себя. Затем немного погодя спросил:

— Владимир Ильич, не скучно ли вам смотреть спектакль?

— Скучно? — отвечал он. — Нет, что вы! Замечательный автор, замечательные слова, замечательные артисты!...

Это высказывание В. И. Ленина имеет неизмеримо больший смысл, чем может показаться на первый взгляд. Не случайно признание Н. А. Подгорного, что он растерялся, увидав Владимира Ильича на спектакле, «который многие считали ненужным советскому зрителю».

Нужен ли Чехов? Этот вопрос в то время широко дебатировался на страницах печати и не всегда в пользу Чехова. С утверждением в репертуаре МХТ «Дяди Вани», ставшего в 1919—1920 годах самым популярным из чеховских спектаклей театра, эта пьеса Чехова, как и ставивший ее театр, попадают под особенно ожесточенный обстрел представителей «левых» течений.

Было бы несправедливо обвинять в

отставании такого взгляда одних деятелей «левого фронта». Нет, строй вольных или невольных их союзников по вопросу о «несовременности» Чехова был гораздо шире. Он включал в себя тогда даже такого неустанного пропагандиста культурного наследия, как Горький. Гrimечателен «спор» между Лениным и Горьким, невольным свидетелем которого явился весной 1919 года Василий Иванович Качалов.

Митинг-концерт в Колонном зале Дома союзов. «В артистической комнате оживление, — рассказывает Качалов. — В. И. Ленин с Горьким. Алексей Максимович поворачивается ко мне и говорит: «Вот, спорю с Владимиром Ильичем по поводу новой театральной публики. Что новая театральная публика не хуже старых театралов, что она внимательнее — в этом спора нет. Но что ей нужно? Я говорю, что ей нужна только геройка. А вот Владимир Ильич утверждает: ...нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда...».

В конце тридцатых годов мне довелось услышать рассказ об этой беседе непосредственно от самого Качалова. Сопоставляя тогда же сделанную запись его рассказа с печатными публикациями, вновь убеждаешься, как ответственно относился Василий Иванович к воссозданию малейшей детали, отbrasывая то, в чем не уверен. Что касается слов Ленина о том, что новому зрителю нужны и лирика, и Чехов, и житейская правда, — они запомнились Василию Ивановичу особенно ясно:

— Это ж было то, во что я верил, как же мог я их не запомнить, не порадоваться им...

Дошли до нас и свидетельства о высоких оценках Лениным постановок Художественного театра «Село Степаниково», «На всякого мудреца довольно простоты», «Дядя Ваня». Возможно, что непосредственные впечатления от просмотра названных спектаклей в окружении «новой публики» как раз и сказались в той беседе, явились поводом для утверждения: «...Нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда...»

Тем самым утверждалась необходимость многообразия художественного творчества, призванного откликаться — даже в самые суровые и героические времена — на все струны и запросы человеческой души. Тем самым вновь говорилось об общественной обязанности мастеров искусства сделать достоянием новой демократической аудитории богатства культуры прошлого во

издательство «Искусство» выпускает к пятидесятилетию Октябрьской революции книгу Сим. Дрейдена «В зрительном зале — Владимир Ильич». На основании малоизвестных документов, воспоминаний современников, материалов прессы прошлых лет автор восстанавливает образы спектаклей и концертов, на которых в редкие часы досуга бывал В. И. Ленин. В публикуемом отрывке мы видим Владимира Ильича на спектаклях Художественного театра.

ДРЕЙДЕН на спектакле «Дядя Ваня»

Сим. ДРЕЙДЕН

всем многообразии оттенков «старого» — «истинно прекрасного».

А следовательно, этим самым вновь находила убежденную поддержку Ленина репертуарная линия Московского Художественного театра, которую руководители театра считали в это время для себя наиболее верной, единственной возможной, могущей наиболее успешно ответить велениям времени.

К сожалению, существующая литература о театре, при всех ее больших достоинствах, совершенно не касается этой интереснейшей страницы сценической истории «Дяди Вани». Если судить по литературе, история этого мхатовского спектакля оборвалась задолго до революции, в 1913 году, и он вновь вышел на орбиту лишь в конце сезона 1918/19 г. — 4 июня 1919 г.

Между тем еще в декабре 1918 года

спектакль уже дважды исполнялся, почти в том же составе, в каком шел когда-то на премьере (К. С. Станиславский, О. Л. Книппер, М. П. Лилина, А. Л. Вишневский, В. В. Лужский, Н. С. Бутова), на выездных спектаклях в Политехническом музее, и, судя по газетным извещениям и архивным материалам, до того как в июне 1919 года возник на сцене в Камергерском переулке, уже был сыгран 28(!) раз — и в районных рабочих театрах, и в помещениях Студии театра, и в «Летучей мыши». Никаких отметок об этом в режиссерских дневниках МХТ нет, хотя спектакли эти представляли чрезвычайный принципиальный интерес.

«...Художественный театр возобновил «Дядя Ваню» Чехова, — читаем в отклике «Вечерних известий Московского Совета» на одно из таких выступлений, —

в Пресненском районном театре (бывший «Альказар» — ныне там играет «Современник»). Чеховское сейчас отодвигается в историю. Но в «Дяде Ване» есть что-то связывающее эту пьесу с правдой наших дней, и зрительная зала, переполненная учащейся молодежью и рабочими, чрезвычайно внимательно следила за пьесой, в которой были заняты лучшие силы Художественного театра.

Эти давние газетные сообщения о том, как принималась Чехов новой, масовой аудиторией, позволяют вдвойне оценить всю обоснованность ленинских высказываний об интересах и потребностях новой публики.

Каким был, однако, реальный облик этого спектакля, неожиданно в преддверии девятнадцатого года вновь вошедшего в репертуар театра?

Первый ориентир к ответу — письма Станиславского, относящиеся к тому времени. Перед нами его письмо, написанное в августе 1918 года одному из самых близких помощников по художественно-административной части, актеру и режиссеру В. В. Лужскому. Письмо полно тревожных раздумий о характере и содержании программы одного из первых концертных выступлений театра перед рабочей и солдатской аудиторией. Он пишет в заключение: «А Чехова надо показывать целиком. Надо скорее готовиться к спектаклю, а в концерте ограничиться отдельными выступлениями».

В осуществление этого для выступлений вне стен театра «Дядя Ваня» и возобновляется. В фондах Музея МХАТ хранится записка Станиславского, написанная им в середине декабря 1918 года, незадолго до второго (21 декабря) исполнения «Дяди Вани». «...Вы знаете, что в спектакле халтурного характера я ни в каком случае принимать участия не буду... — пишет он Лужскому, особо подчеркивая в заключение: — Важно для всех нас, чтобы спектакль 21-го был не только хоршим, а потрясающим».

Строки Станиславского яснее ясного говорят о высоком чувстве ответственности, с каким относился он к «внеплановому» возобновлению любимой чеховской пьесы. И потому спектакль, казалось бы, уже давно «сданный в архив» и возобновленный «внепланово», в старом составе и старой редакции, продолжал волновать, тревожить мысль, давать глубокое художественное наслаждение. Дыхание зрительного зала вносило в этот спектакль ту остроту нового, современного восприятия, которое по-своему одухотворяло все происходившее на сцене.

Что так именно это и было, свидетельствует такой зоркий, придиличный наблюдатель, как В. В. Лужский, игравший во всех без исключения спектаклях «Дяди Вани», показанных с 1899 по 1928 год, роль профессора Серебрякова. Его сопоставление восприятия спектакля прежним и новым зрителем затерялось на старых журнальных страницах. Тем уместнее о нем напомнить.

«Знаменитое серебряковское «Надо дело делать», думается, имеет в ответ сейчас не только два умно и лукаво глядящих глаза Астрова — Станиславского, а большинство таких же глаз в зрительном зале. Недаром есть и ответ на них в зрительном зале, когда фраза эта прозвучит в первый раз, еще до пожатия руки Астрова, до его обращенного в сторону Серебрякова поклона. Вообще эти лукавые глаза сейчас сразу чувствуются, как только этот «куб» является на сцену...»

Обостренная неприязнь и подчеркнуто насмешливое отношение к Серебрякову и «серебряковщине» стали оттенять еще более открытым, чем когда-то, выражением симпатий зрителей к героям иного склада.

«Тот же зал и теперь протягивает исполнителю роли Дяди Вани через рампу свои руки и вместе с аплодисментами награждает его и Соню блестящими, еще полными слез восторженными глазами», — подтверждает Лужский, дополняя сказанное примечательным штрихом: — «Недаром же дорогой Александр Леонидович Вишневский вспоминает случай, когда в голодную зиму 18-го года один из зрителей «Дяди Вани», мастеровой, охотник-любитель, принес ему им самим застреленную дробью дичь и сказал: «Возьми, это тебе за «Дядю Ваню», ты много страдаешь там».

Обратите внимание на дату: это и есть та зима, когда «Дядя Ваня» впервые пришел к новым зрителям. И этот запомнившийся исполнителю заглавной роли эпизод позволяет еще живей ощутить тональность восприятия спектакля новыми друзьями «Дяди Вани».

Это и дает основания, говоря о ленинском посещении спектакля, фиксировать внимание на определенном отрезке времени, относящемся к ранней весенней поре 1919 года, хотя широко распространенная точка зрения говорит как будто о другом. Так, в книжно-хронике «Ленин в Москве» фиксируется: «Кемергерский переулок, д. 3. Художественный театр. Зима 1920 г. В. И. Ленин смотрел здесь спектакль «Дядя Ваня» А. П. Чехова».

Никаких решительно указаний на посещение В. И. Лениным и Н. К. Крупской «Дяди Вани» нет и в подневных записях режиссерских дневников спектаклей, хранящихся в архиве Музея МХАТ. И, вероятно, этот вопрос так и остался бы без ответа, если бы не другой любопытнейший документ, хранящийся в том же архиве. Это личные дневники старейшины МХАТ, артиста и режиссера В. В. Лужского, который изо дня в день, из года в год скрупулезно отмечал в них и спектакли, в которых играл, и события дня.

Две записи из дневника В. В. Лужского за январь — май 1919 года: «23/II — 8/III. Опять «Альказар». Опять «Дядя Ваня»... 24/II — 9/III. На «Дядя Ване» был Ленин. Подъехал на автомобиле, вел медленно жену на лестницу...»

Выход очевиден. Поскольку записи Лужского датированы точно 8 — 9 марта, то речь должна идти о посещении Лениным спектакля «Дядя Ваня» на «метрополии» МХТ, в Камергерском, где постановку эту возобновили значительно поздней, а на одном из выездных представлений чеховской пьесы, о которых рассказывалось выше. И было это не «зимой 1920 года», как полагали прежде, а годом раньше — ранней весной 1919-го.

Начало марта 1919 года... Только что закончился Первый Конгресс Коммунистического Интернационала, в подготовке и проведении которого решающая роль принадлежала Ленину. На Конгрессе он сделал программный доклад — о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Шесть дней работы Конгресса потребовали от Владимира Ильича, лишь недавно оправившегося от болезни, огромного напряжения сил...

С просторов большой жизни, в ритме великого созидания и напряженной борьбы переносился, прида на спектакль, Владимир Ильич в атмосферу давних чеховских «сцен из деревенской жизни»... Он шел смотреть «Дядю Ваню», едва театр успел возобновить давно не шедшую постановку. В этом по-своему сказался и страстный интерес его к чеховскому творчеству, и желание, наконец, увидеть чеховский спектакль Московского Художественного, и стремление непосредственно самому узнать, как будут воспринимать горечь судеб и полет мечты героев Чехова строители новой жизни.

Остается внести последнее уточнение. Из записей Лужского следует, что «Дядя Ваня» шел на выездных спектаклях и 8 и 9 марта. Какой именно из этих спектаклей смотрел Владимир Ильич?

Судя по материалам Института марксизма-ленинизма, фиксирующим даты жизни и деятельности Ленина, день 8 марта был у него загружен чрезвычайно. Иное — 9 марта. Это было воскресенье. В картотеке Института марксизма-ленинизма за этот день — ни единой записи! Ни одного заседания! Ни одного выступления! Не зафиксировано даже ни одной подписанной им бумаги, датированной тем числом. Отдых так отдыши! И посещение в такой день постановки пьесы любимого автора в исполнении любимых артистов было чем закономерно...

Воспоминания В. И. Качалова и рассказ Н. А. Подгорного дополняют характерными деталями малоизвестное свидетельство еще одного из старейших артистов театра — Константина Михайловича Бабанина (1894—1966), которому так же, как и Подгорному, довелось в тот вечер увидеть Ленина в зрительном зале, причем было это не в «Альказаре», а еще в одном помещении МХТ — в зале Первой студии.

«Сезон 1918/19 годов Первая студия Московского Художественного театра на Советской площади. Маленький зал, вмещающий 150 человек. Здесь создавались первые спектакли молодой студии. Здесь же иногда выступала и основная труппа МХТ с выездными спектаклями, — рассказывает К. М. Бабанин. — Однажды я был в зрительном зале и вдруг увидел во втором или третьем ряду Ленина. Владимир Ильич сидел и смотрел спектакль, как самый обыкновенный зритель. Что меня сразу поразило в Ленине — простота. Не было в нем ничего парадного, подчеркнутого, показного. Он мят программу в руках и что-то оживленно рассказывал своим спутникам. Очевидно, шутил, так как часто и весело, заразительно смеялся. От всего его облика веяло какой-то бодростью и задором...

Когда спектакль кончился, то Ленин вместе со всеми зрителями здешне же в толпе направился к выходу. Это меня особенно поразило. Я даже постарался ближе пробраться к Владимиру Ильичу, чтобы расслышать его слова».

На этом рукопись воспоминаний К. М. Бабанина обрывается. Его соратники по театру помогли нам расслышать ленинские слова. И они живут в нашей памяти, как еще одно свидетельство оценки Лениным той высокой творческой общественной миссии, которую осуществлял театр в первые октябрьские годы, неся новому зрителю жизненную правду, поэзию чеховской мысли.